

Письма Ж.А. Медведева к Ф.Г. Добржанскому

(ПУБЛИКАЦИЯ, ПРЕДИСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИИ МИХАИЛА Б. КОНАШЕВА)

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН; Санкт-Петербург, Россия; mbkonashev@mail.ru

Одним из многочисленных адресатов Ж.А. Медведева был Ф.Г. Добржанский (1900–1975), знаменитый русско-американский генетик, эволюционный биолог, мыслитель и гуманист. Он был одной из центральных фигур в области эволюционной биологии в первой половине XX века и сыграл ключевую роль в «эволюционном синтезе» и формировании «синтетической теории эволюции» в 1930–1940 гг. Добржанский выехал в Соединённые Штаты для стажировки в лаборатории Томаса Ханта Моргана в декабре 1927 г., а в 1931 г. принял решение не возвращаться в СССР. В письмах, написанных Ж.А. Медведевым в 1969 г., затрагиваются три основные темы. Во-первых, полученное от Ф.Г. Добржанского известие о внезапной и тяжёлой болезни Михаила Михайловича Лернера (1910–1977), также генетика, русского эмигранта, ставшего американским гражданином. Во-вторых, рецензии на переведённую М.М. Лернером и опубликованную за рубежом книгу Ж.А. Медведева о Т.Д. Лысенко и лысенковщине. Наконец, в-третьих, очерк о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском (1900–1981), о его выходе на пенсию и о роли, сыгранной в его судьбе международной научной общественностью, в частности немецким генетиком Г. Штуббе. К последнему письму Ж.А. Медведева была приложена машинописная копия очерка о Н.В. Тимофееве-Ресовском, в котором кратко описана попытка избрания Н.В. Тимофеева-Ресовского академиком.

Ключевые слова: российская (советская) генетика, Ж.А. Медведев, Ф.Г. Добржанский, история науки.

Одним из многочисленных адресатов Ж.А. Медведева (1925–2018) был Ф.Г. Добржанский (1900–1975), знаменитый русско-американский генетик, эволюционный биолог, мыслитель и эволюционный гуманист. Он был одной из центральных фигур в области эволюционной биологии в первой половине XX века и сыграл ключевую роль в «эволюционном синтезе» и формировании «синтетической теории эволюции» в 1930–1940 гг.¹ Добржанский родился в небольшом городе Немиров на юго-западе Российской империи, выехал в лабораторию Томаса Ханта Моргана в Соединённых Штатах в декабре 1927 г. и в 1931 г. принял решение не возвращаться в СССР². В письмах, написанных Ж.А. Медведевым в 1969 г., затрагиваются в разной степени

¹ О Ф. Г. Добржанском см. подробнее: *Конашев М.Б.* Ровесник генетики, ровесник века: Ф.Г. Добржанский (1900–1975 гг.) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 193–228.

² Об обстоятельствах принятия этого решения Ф. Г. Добржанским см.: *Конашев М.Б.* Страсти по Феодосию, или Как и почему Ф. Г. Добржанский стал «невозвращенцем» // Вестник ВОГиС. 2013. № 1. С. 202–209.

три основные темы. Во-первых, полученное от Ф.Г. Добржанского известие о внезапной и тяжёлой болезни Михаила Михайловича Лернера (1910–1977), также генетика, русского эмигранта, ставшего американским гражданином. Во-вторых, рецензии на переведённую М.М. Лернером и опубликованную за рубежом книгу Ж.А. Медведева о Т.Д. Лысенко и лысенковщине³. Наконец, в-третьих, очерк о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском (1900–1981), о его выходе на пенсию и о значении участия в его судьбе международной научной общественности, в частности немецкого генетика Г. Штуббе. К последнему письму Ж.А. Медведевым была приложена машинописная копия очерка о Н.В. Тимофееве-Ресовском на трёх страницах, напечатанная через один интервал, а также дополнение к очерку. Содержательно очерк о Н.В. Тимофееве-Ресовском мало чем отличается от последующих аналогичных добротных публикаций об этом учёном и потому не включён в данную публикацию. В очерке кратко описана попытка избрания Н.В. Тимофеева-Ресовского академиком, в том числе партконтроль за выборами академиков и член-корреспондентов, и единственная осечка в этом контроле после войны — провал выборов в академики лысенкоиста Н.И. Нуждина в 1964 г. Дополнение же к очерку представляет самостоятельный интерес по ряду причин.

Публикация осуществляется по рукописным и машинописным подлинникам, а также копиям, хранящимся в Библиотеке Американского философского общества (American Philosophical Society Library. В: D65 Th. Dobzhansky Papers). Письма расположены в хронологическом порядке. Для унификации каждое письмо имеет заголовок, куда вошли число, месяц, год и место написания письма. Даты и другие элементы, отсутствующие и установленные при подготовке публикации, даются в квадратных скобках. Также в квадратных скобках даются дописанные части сокращённых слов, кроме общепринятых.

Археографическая обработка текстов проводилась в соответствии с правилами публикации документальных источников. Публикация готовилась по правилам современной орфографии и пунктуации; в некоторых случаях сохранены особенности авторских написаний отдельных слов и терминов. Слова или часть слов, которые не удалось точно прочитать, помещены в угловые скобки. Случаи неразборчивых написаний слов отмечены знаком <...>. Слова, подчёркнутые автором писем или написанные разрядкой, также подчёркнуты или выделены разрядкой. Все остальные выделения оговариваются отдельно в примечаниях.

Данная публикация стала возможной благодаря исследованию в Библиотеке Американского философского общества, поддержанному Библиотекой Американского философского общества (2015–2016, Library Resident Research Fellowship at the American Philosophical Society).

³ *Medvedev Zh.A. The Rise and Fall of T.D. Lysenko. Translated by I.M. Lerner. New York; London: Columbia Univ. Press, 1969. xii, 284 p.*

№ 1.

14 января 1969 г., [Москва]

14 января 1969 [г.]
Theodosius Grigorievich⁴

Дорогой Феодосий Григорьевич!

Ваше письмо о внезапной болезни Мих[аила] Мих[айловича] Лернера было для всех нас очень печальным известием. Я получил его только сегодня. Почта просто невыносимо медлительна и ненадежна. Мы все надеемся, что он будет спасён! Я не могу думать о другом исходе, это было бы невозможно представить после всего, что он сделал для меня и нас всех.

В почте Rockefeller University⁵ Вы найдете письмо для него — можете его открыть и прочитать, копию я, кажется, послал в Berkeley⁶ на случай, если он задержится.

У нас всех сегодня траурный день — мы хороним в Москве общего друга Владимира Владимировича Сахарова, благороднейшего человека и незапятнанного генетика, стойкого борца.

С верой в лучшее и с благодарностью

Ваш Ж. Медведев.

APSL. B: D65 Th. Dobzhansky Papers. Medvedev, Zh. A. [3 folds, 1969–72]. рук. пис., 1 л.

№ 2.

16 января 1969 г., [Москва]

16 января 1969 [г.]
1969
Theodosius Grigorievich⁷

Дорогой Феодосий Григорьевич!

Я надеюсь, что Вы получили моё письмо, посланное три дня назад в ответ на Ваше очень печальное известие о тяжёлой болезни Мих[аила] Лернера. Я не получал пока новых сообщений о здоровье нашего друга и очень надеюсь, что он поправляется. Для меня невозможно думать иначе. На днях я послал ему письмо в Беркли.

⁴Дата и под ней слова “Theodosius Grigorievich” дописаны карандашом, возможно уже в Рукописном отделе Библиотеки Американского философского общества.

⁵Рокфеллеровский университет (англ.) — частный университет, расположенный между 63 и 68 улицами вдоль Йорк-авеню на Манхэттене в Нью-Йорке. Основан в 1901 г. нефтяным магнатом и филантропом Джоном Рокфеллером как Рокфеллеровский институт медицинских исследований (до 1965 г.). В настоящее время Университет специализируется в основном на фундаментальных исследованиях в областях биомедицины. Ф. Г. Добржанский являлся с 1962 по 1970 г. профессором, а с 1970 по 1971 г. заслуженным профессором в отставке Рокфеллеровского университета.

⁶Беркли (англ.). Ж.А. Медведев имел в виду Калифорнийский университет в Беркли (The University of California, Berkeley) — государственный исследовательский университет США, расположенный в Беркли, штат Калифорния.

⁷“1969” и под ней слова “Theodosius Grigorievich” дописаны карандашом, возможно уже в Рукописном отделе Библиотеки Американского философского общества.

Здесь я вкладываю копию моего письма д-ру Broome⁸, из которого Вы увидите, что дело с получением L-аспарагиназы закончилось успешно, и фермент уже используется. Но в лучшем случае можно ожидать временной ремиссии. Если за 1/2 года — год не появится еще одного нового средства против лейкоза, положение станет критическим (для девочки, ради которой мы старались). У нее лейкоз с аномальными по хромосомам лимфобластами (47 хромосом).

Хочу сообщить Вам и М. Лернеру, что 5–6 дней назад умер Исая Израилевич Презент (67 или 68 лет) от heart attack (too [far] cary)⁹.

С наилучшими пожеланиями, здоровья Вам и М. Лернеру!

Привет от Ел[ены] Алекс[андровны] и Ник[олая] Влад[имировича]¹⁰.

Ваш Ж. Медведев.

APSL. B: D65 Th. Dobzhansky Papers. Medvedev, Zh. A. [3 folds, 1969–72]. рук. пис., 2 л.+1 об.

№ 3.

19 июля 1969 г., [Москва]¹¹

P.S. (1).

Dear Theodosius Grigorievich!

This is a copy of my recent letter to Lerner. Many many thanks for reviews which you wrote about the book. I was told about by Lerner and Joravsky, but not yet seen them, because I out of home more than month. Soon I will return home.

Yours sincerely

<Zh. Medvedev>

P.S. (2). If you again meet next <... week> the botanist who visited you last October (or November) I should be very happy if you could ask Mr. Tilley to give him the book as author's present

<Zh. Medvedev>.¹²

APSL. B: D 65 Th. Dobzhansky Papers. Medvedev, Zh. A. [3 folds, 1969–72]. копия рук. пис.¹³, 1 л.+1 об.

⁸ J.D. Broome.

⁹ сердечного приступа (зашедшего слишком далеко) (англ.).

¹⁰ Е.А. и Н.В. Тимофеевы-Ресовские.

¹¹ Копия письма Ж.А. Медведева М.М. Лернеру, посланная Ф.Г. Добржанскому; в конце копии в самом низу две приписки красной пастой для последнего.

¹² P.S. (1).

Дорогой Феодосий Григорьевич!

Это — копия моего недавнего письма к Лернеру. Большое, большое спасибо за рецензии, которые Вы написали о книге. Обо мне сказали Лернер и Жоравски, но ещё не видел их, потому что я вне дома более месяца. Скоро я возвращусь домой.

Искренне Ваш,

<Ж. Медведев>

P.S. (2). Если Вы снова встречаетесь на следующей <... неделе> с ботаником, который навещал Вас в прошлом октябре (или ноябре), я был бы очень счастлив, если бы Вы могли попросить, чтобы г-н Тилли дал ему книгу как подарок от автора

<Ж. Медведев>

¹³ Сделана под копирку.

№ 4.

4 сентября 1969 г., [Москва]¹⁴

Дорогой Феодосий Григорьевич. Я надеюсь, что
Вы перешлете все это проф. Лернеру, к его возвращению из Италии¹⁵.

Искренне Ваш
Ж. Медведев¹⁶

4 сентября 1969 [г.]

Проф. Ф.Г. Добжанскому
Проф. И.М. Лернеру

Дорогие Феодосий Григорьевич и Михаил Лернер!

Доктор Элизабет Амбеллан, участвовавшая в недавней международной конференции по эмбриологии, сказала мне, что она была ученицей Ф.Г. Добжанского и любезно, по собственной инициативе предложила передать личное послание. Сегодня она уезжает в Нью-Йорк и я естественно решил воспользоваться ее предложением, так как обычная почта уже доказала свою ненадежность. В первой половине года у меня пропало около 16 заказных писем и много простых. Ни на одно из 16 заявлений я не получил, конечно, ни ответа о судьбе, ни компенсации за пропажу. Но терпение почтовых цензоров «лопнуло» или сумма долга мне столь возросла, что после 16 моих заявлений пропажа писем прекратилась и в течение всего лета все мои письма доходило исправно и ко мне тоже, если не считать пропажи высланных мне книг¹⁷. Но возможно, что летом цензоры и таможенники были в отпуске или были перегружены, и сейчас с наступлением осени все начнет повторяться снова.

Я прежде всего хочу сердечно поблагодарить Феодосия Григорьевича за замечательные рецензии на нашу с И. Лернером книгу¹⁸. От рецензий ведь в США зависит судьба книги. Я уже имею 3 экземпляра и уже многие мои друзья и коллеги прочитали или просмотрели её. Издание, несомненно, было сделано с большим мастерством и вкусом, а выделение монумента на «фронт-пэйдже¹⁹» было несомненной находкой. Жалко, пропала при отправке фотография, на которой Лысенко среди высокой пшеницы Горок-Ленинских²⁰ беседует с Хрущёвым.

¹⁴ Письмо кроме Ф.Г. Добжанского было направлено также М.М. Лернеру, и к нему прилагалась копия машинописного текста, озаглавленного «Дополнение в сентябре 1969 г.» на двух листах на русском языке. Текст являлся дополнением к рукописи Ж.А. Медведева о Т.Д. Лысенко, переведённой М.М. Лернером на английский и опубликованной в 1969 г. См.: *Medvedev Zh.A. The Rise and Fall of T.D. Lysenko. Translated by I.M. Lerner. New York-London: Columbia Univ. Press, 1969. xii, 284 p.*

¹⁵ Подчёркнуто Ж.А. Медведевым.

¹⁶ Данный абзац написан авторучкой в левом верхнем углу листа. Весь остальной текст, кроме одной вставки на полях первого листа, напечатан на пишущей машинке.

¹⁷ Напротив этой фразы слева авторучкой приписано: «Мои друзья шутили — что я смогу теперь жить за счёт почтовых компенсаций».

¹⁸ *Dobzhansky Th. The rise and fall of T.D. Lysenko // Science. 1969. Vol. 164. No. 3887. P. 1507–1509.* В данном деле сохранилось также письмо Ф. Г. Добжанского к проф. Ф. Сейтсу (F. Seitz), президенту Рокфеллеровского университета, в котором работал Ф. Г. Добжанский, и ответ Ф. Сейтса на это письмо. В своём письме Ф.Г. Добжанский сообщил, что недавно издана книга Ж.А. Медведева о Т.Д. Лысенко, и что он получил от её переводчика М.М. Лернера копию письма к нему Ж.А. Медведева.

¹⁹ Front page (англ.) — титульный лист.

²⁰ Имеется в виду экспериментальная научно-исследовательская база АН СССР «Горки Ленинские», где в 1966–1976 гг. Лысенко работал заведующим лабораторией.

Там, наоборот — Лысенко говорит (открытый рот и убежденность на лице), Хрущёв же внимательно слушает. Перевод сделан превосходно, и читабельность книги резко возросла в результате сокращений. И вообще вряд ли кто-нибудь во всем мире лучше подходил для издания такой книги, чем её нынешний переводчик. В этом отношении автору необыкновенно повезло, но и это не было случайным. За много лет изучения дискуссии и её международных последствий я чувствовал, что именно Михаил Лернер должен отнестись к проблеме наиболее объективно и дружелюбно и с наибольшим пониманием.

Я получил оба письма проф. Лернера (от 8 и 22 августа) относительно Тимофеева-Ресовского²¹. С Николаем Владимировичем действительно поступили очень нехорошо. Причины этого и связанные с этим события описаны вкратце в прилагаемом небольшом очерке, который может служить дополнением к основному очерку. Он надеется, что, может быть, сможет получить работу консультанта в Москве, но пока попытка Б.Л. Астаурова добиться в своем институте для Николая Владимировича должности консультанта окончилась неудачно.

Вопрос же о пенсиях — это общая проблема для СССР, как и вообще вопрос о ставках. Понятие «прожиточный минимум» у нас вообще не существует и как оклады для многих категорий трудящихся, так особенно и пенсии рассчитываются только на основе обеспечения человека, а не семьи, продуктами питания. Поэтому в большинстве семей обязательно должны работать и муж, и жена. Учёные с научными степенями находятся ещё, по мнению многих, в привилегированном состоянии, но ведь даже общий доход академика — директора института меньше обычного дохода среднего американского профессора. Рядовой же научный сотрудник, не имеющий учёной степени (а из 700 000 научных сотрудников в СССР только 150 000 имеют учёные степени) имеет оклад от 88 до 120 руб. в месяц²², причем разница зависит от учреждения и не зависит от стажа работы. Один американский доллар по курсу стоит 90 коп., но на «чёрном рынке» его²³ продают за 5 руб., соответственно ценам в валютных механизмах. Государственная цена на золото в официальных скупочных пунктах Госбанка сейчас тоже 5 руб. за грамм, а золотые изделия в магазинах стоят по 9–10 руб. за грамм. Так что курс рубля завышен по меньшей мере в 4 раза. Нормальный костюм стоит в магазине 129–150 руб., туфли — 30–40 руб. (в среднем), самая простая шариковая ручка — 1 руб. или 1 руб. 50 коп., а самый маленький автомобиль — «Москвич» (малолитражный) 4500 руб. Цены постоянно растут, так как количество бумажных денег у населения увеличивается и происходит эмиссия бумажных денег из-за нехватки товаров. Поэтому-то прожиточный минимум никто и не рассчитывает. Николай Владимирович будет получать пенсию около 100–110 рублей — это только на самое жалкое существование. Столь низкий доход легче пережить, когда работаешь, чем когда свободен. Я думаю, что друзья Ник[олая] Влад[имировича] смогут обеспечить ему дополнительный заработок, кроме того, он сам надеется написать книгу по истории генетики. Однако и другая идея продумывается. Поскольку при общем зачёте стажа работа в Германии не учитывается и срок заключения за эту работу тоже не входит в общий зачёт, то сейчас изучается возможность получения им пенсии из Германии и этот вопрос поставлен, через недавно приехавшего из ГДР коллегу, перед проф. Г. Штуббе. Кроме того, ходатайство о реабилитации Ник[олая] Владимировича (после этого в его стаж войдут годы заключения) должно тоже исходить из ГДР, так как Тимофеев-Ресовский работал на территории нынешней Германской Демократической Республики.

²¹ Сохранились ли эти письма в совместном архиве братьев Ж.А. и Р.А. Медведевых, переданном в Центральный государственный архив г. Москвы, неизвестно, т. к. согласно Е.И. Цаповой, зав. сектором комплектования и описания документов личных собраний Центрального государственного архива г. Москвы, архив Ж.А. и Р.А. Медведевых находится в обработке и ещё не описан.

²² Слова «в месяц» вписаны авторучкой.

²³ Перед словом «его» сверху посередине письма напечатана цифра «2».

кратической Республики. Если Ганс Штуббе сможет обратиться в Верховный Суд СССР с просьбой о реабилитации, то я надеюсь, что это приведёт к положительным результатам.

Но в общем же очерк о Тимофееве-Ресовском и участие в этом деле международной научной общественности выходит за рамки его личной судьбы. Это общий вопрос о правовом положении учёных в стране, где все служат только одному хозяину, все находятся в одном гигантском учреждении, на разных ступеньках одной лестницы, где человек ценится только до тех пор, пока он служит в этом учреждении. Сейчас стало в некоторых отношениях даже хуже, чем в 48–49 гг. Тогда уволенные с работы генетики могли зарабатывать хоть немного переводами для издательств и подготовкой рефератов для реферативных журналов. Институт научной информации, издававший реферативные журналы (сокращенно ИНИ), неофициально назывался «институт недорезанных интеллигентов»²⁴. Сейчас же, когда я бодро попытался заняться переводами или получить заказы на рефераты, то оказалось, что всем издательствам запрещено заключать договоры на переводы и новые издания с лицами, не состоящими на службе. Для заключения договора или для работы референтом реферативного журнала нужно представить справку с места работы с указанием должности. Это меры борьбы с людьми «свободных профессий». Конечно, «негритянские» заработки возможны — договор заключает проф. Г., а работу готовит за него д-р Ж. И таких предложений у меня много. Но я пока в достаточно приличном положении, и мои ресурсы ещё не исчерпались. Жена моя работает, брат тоже²⁵. Но возможно, что придется начинать и «негритянскую работу», так как положение брата ухудшилось. В мае он написал статью в журнал «Коммунист» с протестом по поводу попыток реабилитации этим журналом И. Сталина. Эта статья в журнале, конечно, не появилась, но циркулировала в партийных кругах. Неожиданно те же пираты, на это раз не «Грани»²⁶, а журнал «Посев»²⁷ — та же контора, содержащаяся на деньги из США, но имеющая в своем составе не менее 10–15 % агентов КГБ, напечатала письмо моего брата в июльском номере (№ 7). После этого его, естественно, исключили из членов партии и, по-видимому, уволят с работы²⁸.

²⁴ Институт научной информации, затем Всесоюзный институт научной и технической информации (ВИНИТИ АН СССР) был основан в 1952 г. по инициативе ак. А.Н. Несмеянова. На протяжении всей истории являлся одним из крупнейших центров развития информатики в СССР. В постсоветское время — Всероссийский институт научной и технической информации РАН. С 1953 г. ВИНИТИ издаёт Реферативный журнал (РЖ) по различным областям науки и техники.

²⁵ Р.А. Медведев.

²⁶ «Грани» — ежеквартальный русский межконтинентальный журнал литературы, искусства, науки и общественной мысли. Основан 20 июля 1946 г. Е.Р. Романовым, членом руководства Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС) и другими представителями второй эмиграции, которые попали в Германию из Советского Союза во время Второй мировой войны. Официально «Грани» никогда не были органом НТС, но всегда ассоциировались с ним. До 1991 г. журнал издавался во Франкфурте-на-Майне, Германия, затем редакция переехала в Москву.

²⁷ «Посев» — общественно-политический журнал, орган Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС); выходит с 11 ноября 1945 г. Издаётся одноимённым издательством. Будучи органом НТС, журнал, тем не менее, печатал статьи не только сторонников «солидаризма», но и всего спектра оппозиции Советской власти.

²⁸ Считается, что Р.А. Медведев был исключён из КПСС в 1969 г. за книгу «К суду истории». См.: «Персоналии: Медведев Рой Александрович, Сопредседатель Социалистической партии трудящихся» // http://www.observer.materik.ru/observer/N02_92/2_09.HTM. В 1971 г. Р.А. Медведеву по его свидетельству пришлось уйти с работы, у него был проведён обыск, во время которого изъяты архив и вручена повестка с вызовом в прокуратуру, куда он решил не идти, «а исчезнуть из Москвы до выхода моих книг в Америке — какое-то время на нелегальном

Но я полагаю, что через год власти придут к выводу, что лучше всё же вернуть нас на научную работу. Но, может быть, они решат, что безопаснее сделать что-либо другое, более надёжное. Я надеюсь на лучшее.

С приветом и большой благодарностью
Ваш

Ж. Медведев

Вмешательство пиратов, присосавшихся к «самиздату» делает «самиздат» более криминальным и тормозит его по принципу “back inhibition”²⁹. Поэтому немалое число работ передаются туда по официальным каналам, но «нелегально». Читают же «Посев» и «Грани» только в КГБ³⁰.

P.S. Dear Prof. Lerner! Mrs Ann Sunge has something very different and independent from Kimber story. Everything necessary for comments you have to receive from prof. J. Ebert (Baltimore, Carnegie Inst. 21210). Synge’s material really connected with Olyver and Boyd case and xxxx investigates some aspects of press control. David also have to receive much more about <lamp brush> chromosome materials. Please read Posev No. 7. Best wishes, yours

Zh. Medvedev

Happy <...> to Italy!

P.S.S.³¹ When your hear from Ebert, probably it would be better to make the genome into phenotype and bill the expences to my CUP account³².

*Zh. Medvedev*³³

Дополнение к очерку о Н. В. Тимофееве-Ресовском

Дополнение³⁴ в сентябре 1969 г.

Прошло больше года с тех пор, как был написан этот очерк о Н. В. Тимофееве-Ресовском. Это был трудный год, и о его событиях следует рассказать, так как они были связаны с тем, что происходило ранее.

В самом начале 1968 г. Академия наук СССР стала готовиться к очередным выборам. Рождение новых академиков и членов-корреспондентов, происходящее раз в два-три года, всегда

положении в Прибалтике находился, а когда вернулся домой, никто меня даже на допрос не вызвал», «меня забыли и вплоть до смерти Брежнева не мешали». См.: Гордон Д. Времена не выбирают // Бульвар Гордона. 2013. № 2 (402), 8 января. Эл. вариант: http://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s2_65879/7902.html

²⁹ Обратное торможение (англ).

³⁰ Данный абзац написан авторучкой с синим цветом после подписи Ж. Медведева внизу листа.

³¹ В оригинале «P.S.».

³² P.S. Уважаемый профессор Лернер! У г-жи Энн Сандж есть что-то совсем другое и независимое от Кимбер истории. Все необходимое для комментариев, Вы должны получить от профессора Дж. Эберта (Балтимор, Карнеги Инст. 21210). Материал Синджа, действительно связанный со случаем Оливера и Бойда и xxxx, исследует некоторые аспекты контроля за прессой. Дэвид также должен получить намного больше хромосомного материала <типа ламповых щёток>. Пожалуйста, прочитайте Посев № 7. С наилучшими пожеланиями, Ваш

Ж. Медведев

Счастливой <...> в Италию!

P.S.S. Когда Вы услышите от Эберт, вероятно, было бы лучше превратить геном в фенотип и предъявить расходы моему CUP счету (англ.).

³³ Данный абзац “P.S.S.” написан авторучкой с красным цветом в верхней части листа над машинописным текстом.

³⁴ Перед словом «Дополнение» сверху посередине напечатана буква «а».

бывает трудным делом. «Академик» и «член-корреспондент» любой академии в СССР (одной «большой», четырёх отраслевых и четырнадцати республиканских — это не просто почётное звание, как в большинстве стран мира. Это, кроме того, почётная, пожизненно оплачиваемая [должность] к тому же независимо от того, работает ли академик в Академии наук или же уже «вышел на пенсию». И ставки такой оплаты почетного звания максимальные в т. н. «Большой» Академии, 500 рублей в месяц «за академика» и 350 «за члена-корреспондента». И это помимо разных прочих льгот (машина, дача и т. д.). Для заслуженных учёных страна не жалеет ничего, лишь бы они двигали науку вперед, не заботясь о трудностях жизни. Поскольку академики обычно получают еще и максимальные должностные оклады по месту работы, то в итоге месячный оклад академиков превышает месячный оклад членов Правительства — Министров СССР и Министров Союзных республик.

К каждым выбором в Академию наук Совет Министров добавляет ей несколько новых вакансий и, кроме того, немало вакансий освобождается за счет естественной смертности ранее избранных. Эти вакансии по специальностям объявляются для АН СССР в газете «Известия» и по всем научным учреждениям СССР начинается предвыборная кампания.

В 1968 г. в АН СССР, помимо разных прочих вакансий, была объявлена также вакансия по генетике. Подобрать на эту вакансию достойного кандидата было делом нелёгким. Наиболее крупные советские генетики Б.Л. Астауров и Н.П. Дубинин были уже академиками³⁵, среди же членов-корреспондентов АН СССР, этой последней ступеньки перед академическим Олимпом были только два генетика и оба из т. н. «мичуринской» биологии³⁶. Один из них, Н. Нуждин, уже однажды проваливался на выборах с крупным скандалом³⁷, другой, Г. Никольский еще нет. Его-то и выдвинуло Отделение Общей биологии АН СССР, как своего кандидата, в результате странного блока между сторонниками Т.Д. Лысенко и Н.П. Дубинина³⁸. Чтобы помешать избранию Никольского, группа учёных во главе с академиком В.А. Энгельгардтом решила предложить в качестве кандидата для избрания Н.В. Тимофеева-Ресовского, безусловно самого крупного в научном отношении кандидата из всех возможных на эту вакансию. Научная продуктивность Тимофеева-Ресовского после 1964 г. была очень высокой, он опубликовал за 5 лет более 50 статей и одну монографию, подготовил у себя в отделе более 10 кандидатов наук.

Но избрание в академики — это процесс сложный, каждая кандидатура, ещё до включения в список кандидатов, долго обсуждается в комиссиях, парткоме АН СССР, согласовывается с отделом науки ЦК КПСС. В конечном итоге намечаются конкретные кандидаты для

³⁵ Б.Л. Астауров и Н.П. Дубинин стали академиками АН СССР в 1966 г.

³⁶ Мичуринская биология (также Мичуринская агробиология, Мичуринская генетика, Мичуринское учение) — лженаучная школа в биологии, возникшая и достигшая кратковременного расцвета в середине XX века в СССР. Школа развивалась под руководством Т.Д. Лысенко. Философско-идеологическое обоснование мичуринской биологии дал И.И. Презент. Т.Д. Лысенко и его сторонники и последователи, ссылаясь на авторитеты умерших И.В. Мичурина и К.А. Тимирязева, провозгласили себя продолжателями идей и работ И.В. Мичурина. Но «мичуринская» биология взяла лишь имя И.В. Мичурина и некоторые из его ранних предположений. См. подробнее: *Сойфер В.Н.* Власть и наука (разгром коммунистами генетики в СССР). М.: ЧеРо, 2002. 1024 с., С. 289–290.

³⁷ Нуждин Николай Иванович (1904–1972) — биолог, генетик; член-корреспондент АН СССР (1953). Окончил Ярославский педагогический институт в 1929 г. С 1935 г. сотрудник Института генетики АН СССР. Работы в основном в области генетики, эволюционного учения и радиобиологии. В 1953 г. был избран по специальности генетика член-корреспондентом АН СССР. В 1964 г. после выступления на общем собрании АН СССР А.Д. Сахарова, напомнившего об участии Н.И. Нуждина в поддержке Т.Д. Лысенко и разгроме генетики, не был избран действительным членом Академии наук.

³⁸ В оригинале «Дубининим».

избрания и всех академиков и членов-корреспондентов, членов партии обязывают голосовать за намеченные кандидатуры. Так осуществляется партийный контроль за выборами. Сами выборы являются тайными, но поскольку членов партии среди голосующих большинство, проходит заранее отобранный кандидат. Иногда, конечно, могут быть и «скрыты», но история Академии наук в послевоенный период зафиксировала лишь одну неудачу, при выборах Нуждина в 1964 г.

Кандидатура Н.В. Тимофеева-Ресовского была отведена в самом начале предварительного обсуждения на какой-то комиссии. И главным доводом отвода был выдвинут старый аргумент — он эмигрант, изменник Родины³⁹, сотрудничавший с нацистами. В изобилии находящиеся в академии⁴⁰ «мичуринцы»⁴¹ и сам Т.Д. Лысенко начали активное противодействие избранию Тимофеева-Ресовского в академию. В ход были пущены множество небыллиц и слухов, включая даже то, что Тимофеев-Ресовский в Германии якобы⁴² ставил эксперименты на советских военнопленных в фашистских концлагерях. В отделе науки ЦК КПСС из разных доносов на Тимофеева-Ресовского образовалось специальное «досье».

Чтобы помешать этой кампании, академик В.А. Энгельгардт обратился с письмом к Президенту академии в ГДР, профессору Гансу Штуббе⁴³, работавшему в Германии в тесном контакте с Тимофеевым-Ресовским, с просьбой рассказать о том, как вёл себя Тимофеев-Ресовский в Германии в годы нацизма. Проф. Штуббе прислал Энгельгардту подробное письмо, в котором решительно опровергал все вымыслы и указывал на многих других видных немецких учёных, которые могли подтвердить, что Тимофеев-Ресовский никогда не сотрудничал с нацистами, всегда был в кругах антифашистски настроенной научной интеллигенции и его немецкие друзья всегда боялись, что за свободу высказываний он может подвергнуться репрессиям.

Нужно отметить, что сам Н.В. Тимофеев-Ресовский не проявлял никакого интереса к возможному избранию в Академию наук СССР, стоял полностью в стороне от «предвыборной борьбы», и все эти страсти, включая переписку Штуббе и Энгельгардта, ни ему, ни нам, его сотрудникам, не были известны.

Все бы, может быть, так и кончилось спокойно с окончанием выборной кампании, но на беду в Обнинск приехал в феврале 1968 г. корреспондент журнала «Огонек», чтобы написать статью о молодом городе науки. С ним прибыл и фотокорреспондент этого иллюстрированного журнала, сделавший много снимков. На одном из них он запечатлел Тимофеева-Ресовского в момент, когда Николай Владимирович закуривал папиросу. И вот на обложке «Огонька» (№ 14), выходящего двухмиллионным тиражом, в марте 1968 г. в левом верхнем углу появился большой цветной портрет Тимофеева-Ресовского с зажженной спичкой и папиросой.

А в подписях к фотографиям на обложке (с. 31) было написано: «В Обнинском институте медицинской радиологии многими работами по радиационной биологии и генетике руководит всемирно известный учёный, один из пионеров этой науки Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский».

³⁹ В оригинале «родины».

⁴⁰ В оригинале «академии». После этого слова внизу листа синей авторучкой написано: «(См. на обороте)».

⁴¹ Перед словом ««мичуринцы»» сверху посередине напечатана буква «б».

⁴² Слово «якобы» вписано в конце строки синей авторучкой.

⁴³ Штуббе Ганс Карл Оскар (Stubbe Hans Karl Oskar) (1902–1989) — немецкий генетик, член ряда научных обществ, в том числе Академии наук ГДР (1951), Саксонской АН, Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина», почётный президент Академии сельскохозяйственных наук ГДР, иностранный член-корреспондент ВАСХНИЛ (с 1957 г.). Лауреат национальных премий ГДР (1949, 1960).

Фотография в «Огоньке» дала толчок⁴⁴ новому потоку писем, в основном анонимных. В «Горках-Ленинских» на большой экспериментальной станции Академии наук, которой руководит Т.Д. Лысенко и в которой насчитывается около ста сотрудников и более двухсот рабочих и служащих, состоялось партийное собрание, на котором была принята резолюция против популяризации «Огоньком» эмигранта и морганиста. Эта резолюция была направлена в ЦК КПСС. Даже из Югославии пришёл протест. Некто Главинич⁴⁵, бывшая аспирантка Глушенко⁴⁶, работавшая у Лысенко в институте по вегетативной гибридизации и ставшая в Югославии «академиком», прислала в ЦК КПСС письмо с протестом по поводу восхвалений в СССР реакционных учёных. Папка с «делом» Тимофеева-Ресовского стала расти.

В список кандидатов на выборы в Академию наук СССР Тимофеев-Ресовский не вошёл. Но не повезло и Г.[В.] Никольскому. Он повторил печальный опыт Нуждина⁴⁷. Отделение Общей биологии избрало его академиком, а общее собрание провалило его кандидатуру в результате бурного обсуждения. Вакансия по генетике опять, как и в 1964 г., осталась незанятой⁴⁸.

Но для Тимофеева-Ресовского дело на этом не кончилось. Толстое «досье» в отделе науки не могло лежать без движения. В конце 1968 г. им воспользовались для инструктивного доклада областным пропагандистам. В этом докладе о воспитании молодых учёных Тимофеев-Ресовский фигурировал в качестве отрицательной личности с тёмным прошлым, которому⁴⁹, тем не менее, доверено ответственное дело воспитания молодёжи. То, за что Николая Владимировича всегда хвалили — создание им молодёжного кружка для обсуждения проблем музыки и искусства, теперь стало идеологической диверсией.

Инструктивный доклад в ЦК был разнесён по всем областям Советского Союза, и всё в устном изложении. В Свердловске его услышал сын Тимофеева-Ресовского — Андрей, физик. В Калужском обкоме и в Обнинском горкоме забили тревогу. Секретарь обкома позвонил президенту АМН СССР акад. В.Д. Тимакову, потребовав уволить Тимофеева-Ресовского из института, находящегося на территории Калужской области. В.Д. Тимаков внял этой просьбе и отказался утвердить ходатайство института о продлении срока полномочий Тимофеева-Ресовского до сентября 1970 г., то есть до того дня, когда Тимофееву-Ресовскому должно было исполниться 70 лет.

70 лет в СССР — это крайний срок работы учёного на административном посту. Это правило разрешено специальным постановлением нарушать только «выдающимся» учёным, академиком и членам-корреспондентам. Другие должны уходить в отставку, на пенсию, или на рядовые должности научных сотрудников или консультантов, если, достигнув 70-летия, учёный хочет продолжать работу. И это правильный порядок. Если к нему добавить достойную пенсию, то отставка проходила бы всегда гладко и почётно. Для Тимофеева-Ресовского решили не ждать 70 лет. Его уволили на пенсию с августа 1969 г., пообещав, однако, сохранить созданную им лабораторию. Но не сделали и этого. Учёному, который много лет был гордостью института, отказались даже сохранить постоянный пропуск для беспрепятственного входа в здание, где он когда-то работал. Теперь ему каждый визит в институт нужно согласовывать с дирекцией по телефону. Его лабораторию разделили между другими, как кусок пирога, часть

⁴⁴ Слово «толчок» впечатано сверху над зачёркнутым словом.

⁴⁵ Р. Главинич.

⁴⁶ И.Е. Глушенко.

⁴⁷ Н.И. Нуждин.

⁴⁸ Результаты выборов в АН СССР в 1968 г. см.: Новые члены Академии наук СССР // Вестник АН СССР. 1969. № 1. С. 7—11.

⁴⁹ Перед словом «которому» сверху посередине напечатана буква «в».

людей и оборудования передали в одну, часть — в другую, часть — в третью лабораторию. Прощаясь с сотрудниками на прощальном заседании, на которое не пришёл ни один представитель администрации, Тимофеев-Ресовский просил их беречь научные традиции лаборатории, продолжать начатые исследования. Но эти традиции были сразу нарушены.

Уходить на пенсию учёному трудно не только потому, что останавливается движение экспериментальных исследований. Трудно это ещё и потому, что пенсии учёным крайне низки, по отношению к прежнему окладу они ниже, чем у всех прочих категорий трудящихся. Это наказание за высокие оклады в период активной работы. Особая максимальная «профессорская» пенсия составляет только 25–30% от оклада работающего профессора. Но и для того чтобы получать эту «профессорскую» пенсию, нужен 25-летний стаж научной работы. У Тимофеева-Ресовского стаж научной работы — 51 год. Но на 7 лет до 1925 года нет документов, есть только научные работы, Министерством социального обеспечения не учитываемые. Затем идут 20 лет и 3 месяца интенсивной работы — но за рубежом. Этот стаж тоже в СССР не учитывается. Зарубежный стаж учитывается только в том случае, если он был в социалистическом государстве. Затем 10 лет тюрьмы лагерей, заключения. Из них 8 лет Тимофеев-Ресовский работал как учёный, но и этот стаж не входит в общий зачёт без особого решения Верховного Суда, которого сейчас уже нелегко добиваться. Остаётся достоверным лишь стаж после 1955 г. Пропорционально дефициту от 25 лет и пенсия. Но жаловаться не приходится, продукты питания нынче дешёвы, голод супругам Тимофеевым-Ресовским не угрожает.

Недавно проф. Ганс Штуббе прислал академику В.А. Энгельгардту новое письмо, в котором он спрашивает: ну как, избрали ли Тимофеева-Ресовского в Академию наук? Дорогой Ганс Штуббе! Гитлер был более жёстким тираном, чем Сталин. Это ясно всем. Ясно также всем, что Сталин обязательно уничтожил бы Тимофеева-Ресовского. Почему же этого не сделал Гитлер, для Академии наук не понятно⁵⁰.

Ж. Медведев

APSL. B: D65 Th. Dobzhansky Papers. Medvedev, Zh. A. [3 folds, 1969–72]. мп. пис., 1 л.+1 об.

Zh. A. Medvedev's letters to Th. Dobzhansky

(PUBLICATION, INTRODUCTION AND COMMENTS BY MIKHAIL B. KONASHEV)

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia; mbkonashev@mail.ru

One of Zhores Medvedev's numerous correspondents was Th. Dobzhansky (1900–1975), a famous Russian-American geneticist, evolutionist biologist, thinker and humanist. He was one of the central figures in the field of evolutionist biology in the first half of the 20th century and played a key role in “evolutionary synthesis” and the formation of the “synthetic theory of evolution” in the 1930s-1940s. Dobzhansky left for Thomas Hunt Morgan's laboratory in the United States in December 1927, and in 1931 he took the decision not to return to the USSR. In the letters written to Zhores Medvedev in 1969, three main

⁵⁰ Последняя фраза — «И почему Гитлер не уничтожил Вас?» — зачёркнута Ж.А. Медведевым авторучкой.

themes are tackled. Firstly, the news about the illness of Michael Lerner (1910–1977), also a geneticist and Russian émigré who had become a US citizen. Secondly, the reviews about Zhores Medvedev's book on T.D. Lysenko and his sway, published abroad, and translated by Michael Lerner. Finally, thirdly, an essay on Nikolai Vladimirovich Timofeev-Ressovsky (1900–1981), about his retirement and the role played in his life by the international scientific community, in particular the German geneticist H. Stubbe. A typescript of an essay on Timofeev-Resovskii, briefly describing the attempt to have him elected to the Academy of Sciences, was also attached to Medvedev's letter.

Keywords: Russian (Soviet) genetics, Zhores A. Medvedev, Th. Dobzhansky, history of science.